

Слабеющий скреп пространства

Освоение (или «обживание») пространства вовсе не ограничивается строительством коммуникаций и городов разного размера. Важнейшей составляющей этого процесса выступают десятки тысяч мелких и мельчайших сел, деревень и хуторов, население которых задействовано в сельском хозяйстве или в освоении и использовании природных ресурсов огромной территории нашей страны.

Данная деятельность исторически слабо была связана с производством товаров и услуг, предназначенных для продажи на удаленных рынках. То, что производилось в глубинке «на продажу», лишь позволяло восполнить потребность в других жизненно необходимых товарах. Именно на основе товарообмена по мере развития производительных сил (появления все новых умений, навыков, применения знаний и средств труда) стали возникать и развиваться различные формы объединения (кооперации) усилий и возможностей отдельных производителей. Кооперация высвобождала время и ресурсы сельского производителя для концентрации усилий на каком-то основном занятии. Именно кооперация, а также раскрепощенная инициатива тех, кто трудится на земле и в лесу, позволила России накопить необходимые ресурсы (и в виде капитала, и в виде энергии растущего населения) для формирования индустриальной экономики конца XIX – начала XX века.

Число форм и видов кооперации всегда отличалось (и все еще имеет подобную особенность) колоссальным разнообразием. Не случайно выдающийся ученый-аграрник Н. П. Макаров в своей статье, которая «пришла» к читателю через 90 лет после написания, подчеркивал: «нет единой формулы эволюции для социальных форм сельского хозяйства»¹.

В процессе этой эволюции был сформирован определенный пространственный каркас огромной страны, в котором сельские поселения занимали очень важное положение как с экономической, так и с государственной точек зрения, шло накопление

¹ Макаров Н. П. Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства (по поводу книги Л. Н. Литошенко // Крестьяноведение. М.: РАНХиГС. 2018. № 1. С. 27–33. [С. 3].

навыков и капитала этих поселений и формирование системы самоуправления.

На протяжении долгих лет российское село успешно выполняло не только поселенческую (места проживания), экономическую (производство сельхозпродукции), воспроизводственную (прежде всего, населения страны) функции, но и играло важнейшую странотрансформирующую роль. Ее выполнение вызвало к жизни и соответствующие формы самоуправления – такие, как, например, земство, основанное на широком представительстве в управлении территорией различных слоев населения и на определенных реальных финансовых правах и полномочиях.

Разрушительность тех процессов, с которыми столкнулись и сельские поселения, и само хозяйствование на земле, как в период советской коллективизации, так и в суровые годы военных испытаний, превзошла самые смелые ожидания. Соображения идеологов коллективизации о том, что «...мы должны прогнать в города треть сельского населения. Тогда мы создадим рынок для сельскохозяйственных продуктов, а затем освободим землю от лишних работников.., но остающаяся масса сельского населения справится со своей задачей, если мы снабдим ее всей необходимой суммой современных технических знаний и всем необходимым капиталом... Надо только продумать темп таких исторических процессов – такой быстроты история еще не знала»², были превзойдены многократно – и по срокам, и по размаху «судьбоносных» реформ.

И ускоренные темпы преобразований, и увеличенные объемы изъятий земли, продовольствия, и самого населения, базировались на общем основании – «эффекте экономии на масштабе» в рамках крупного сельскохозяйственного производства. Как следствие, мы получили рост объемов выпуска продукции при стагнации (или весьма незначительном росте) показателей эффективности.

Непроизводительные функции сельских поселений в советское время, увы, во внимание не принимались или же учитывались весьма слабо. Поэтому не только и не столько урбанизация является основной причиной стремительного изменения сельского «ландшафта» (числа поселений и жителей в них), сколько односторонний подход к преобразованиям в аграрном секторе,

² Указ соч. Макаров Н. П. С. 28, 29.

по сравнению с которым мировоззренческий монизм А. Богданова представляется прогрессивным благом (см. статью А. М. Никулина). В то же самое время час «классического плюрализма» Александра Чаянова в сельской местности так и не пробил. Лишь отдельные его ростки реализовались вокруг Московской агломерации в весьма неожиданной форме – «сезонной дачной рекреации». Те холдинги, которые возникли и успешно функционируют в сельском хозяйстве России, «сформировались «сверху» – от пищевых предприятий, финансовых, государственных структур» (статья Т. Г. Нефедовой).

Поэтому российское село стремительно пустеет. «...За 1926–1989 гг. сельское население РФ уменьшилось примерно вдвое – с 76 до 39 млн чел.» (см. статью А. И. Алексеева, С. Г. Сафронова, М. С. Савоскул, Г. Ю. Кузнецова). Согласно данным официальной статистики, в России «насчитывается 19416 поселений, в которых не осталось жителей (13% от всех населенных пунктов сельской местности). Наибольшее количество вымерших сел насчитали в Центральном федеральном округе: в 13% из них не осталось никого, опустели и подлежат ликвидации 6613 деревень»³.

Не без основания и не без боли коллеги отмечают, что «для нашей страны глубинка – это основа основ. Россия – это, прежде всего, огромные пространства... Если... все население соберется в десятке мегаполисов, то как сможет сохраниться страна? Но чтобы люди могли жить в глубинке, у них там должна быть жизнеспособная экономика, они должны каким-то образом зарабатывать на жизнь»⁴.

К сожалению, в процессе поиска направлений развития для современной России функция сельских поселений как важнейшей составляющей объединения, развития и укрепления экономического пространства страны, так и не нашла признания и поддержки. Вопросы «эффективного хозяйственного освоения и социального развития сельских территорий» оказались за рамками Госпрограммы развития сельского хозяйства (см. статью Р. Р. Гумерова). Как и во многих других стратегических

³ Красновский И. «Прощай, деревня!» // Смоленская Правда. 2019. № 5. 13 февр. URL: www.smolgazeta.ru

⁴ Тюрин Г. В., Тюрин В. Г. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире. Санкт-Петербург: Издательский проект «Живая провинция», 2018. 303 с. [С. 3].

документах здесь доминирует упрощенный подход, ориентированный на «прозрачность» оценок и «управляемость». Как результат – целевые показатели ориентированы на валовое производство зерновых культур, а не на получение ценных продуктов питания. Сельские поселения вновь оказались между «молотом» «программного подхода» к развитию АПК и «наковальной» процесса разрушения системы сельского самоуправления (см. статью О. П. Фадеевой).

Вне продуманного и взвешенного подхода к вопросам ведения хозяйственной деятельности на земле, понимания места и роли сельского самоуправления, те негативные тенденции, которые набрали свою силу в истекшие годы, могут привести к разрушительным последствиям не только для села, но в целом – для всей жизни на просторах нашей страны. Их преодоление требует консолидации усилий значительной части российского общества. К счастью, «генетический запас» прочности российской глубинки исчерпан не до конца. Есть примеры успешной жизни сельских поселений, опыт которых можно взять на вооружение, помня о том, что сельские поселения – опора и основа устойчивости как территориальной целостности, так и ее экономики в организации жизни на просторах нашей страны.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.